

Реминисценции стихотворений Г. Р. Державина и А. Н. Радищева в поэме А. С. Пушкина «Медный всадник»¹

Юри СУГИНО

1.

На А. С. Пушкина (1799-1837) оказала влияние как русская литература, так и выдающиеся произведения мировой литературы, включая Библию. За свою короткую жизнь, длившуюся всего 37 лет, поэт создал множество оригинальных произведений в самых разных жанрах, в которых мастерски осуществлены разнообразные замыслы, отсылающие к российским и зарубежным произведениям. «Медный всадник» (1833) является одной из таких работ, где великолепно раскрывается необыкновенный пушкинский талант. В художественном мире поэмы мы видим сложное переплетение многозначности и многослойности, в основе же его создания лежат реальные исторические события XVIII и XIX вв., а также автобиографические факты из жизни самого Пушкина.²

Как мы отмечали в наших предыдущих работах, в поэме прослеживаются реминисценции исторических трудов Н. М. Карамзина (1766-1826)³ и произведений А. Н. Радищева (1749-1802)⁴; в ткань текста поэмы вплетены мотивы и детали из декабристской поэзии,⁵ а также на разных уровнях текста наблюдаются пересечения с

¹ В основе данной работы лежат наши доклады прежних лет: доклад под заглавием “Державинские реминисценции в поэме Пушкина «Медный всадник»”, прочитанный на Международных научных чтениях памяти В. Э. Вацура к 85-летию со дня рождения (30 ноября - 2 декабря 2020 г., Санкт-Петербург), и доклад под заглавием “Reminiscence of the Poems of Derzhavin and Radishchev in Pushkin's *The Bronze Horseman* (10th World Congress of ICCEES, held at Concordia University in Montréal, Canada from August 3rd-9th 2021).

² См.: Сугино Ю. О наводнении в поэме «Медный всадник» // *JSEES (Japanese Slavic and East European Studies)* 11, 1990, pp. 59-78; К вопросу о соотношении образов Медного Всадника и Николая I // *JSEES* 12, 1991, pp. 61-79.

³ См.: Сугино Ю. Проекция XVIII-го века в поэме «Медный Всадник» // Пушкин и мировая культура. Материалы восьмой Международной конференции. Арзамас, Большое Болдино, 27 мая – 1 июня 2007 г. Санкт-Петербург, Арзамас, Большое Болдино / Редколлегия. С. Н. Пяткин и др. Арзамас: АГПИ, 2008. С.126-137.

⁴ См.: Сугино Ю. Статья А. С. Пушкина «Александр Радищев» и «Медный всадник»: наложения и пересечения // Болдинские чтения 2014 / Редколлегия. Н. М. Фортунатов и др. Нижний Новгород: РИ «Бегемот НН», 2014. С. 131-141.

⁵ См.: Сугино Ю. Отзвуки декабристской поэзии в поэме «Медный всадник» // Болдинские чтения 2005 / Редколлегия. Н. М. Фортунатов и др. Нижний Новгород: Вектор-Тис, 2005. С. 214-224.

библейскими повествованиями, в частности, с «Книгой Бытия»,⁶ «Псалмами»⁷ и «Откровением Святого Иоанна Богослова».⁸ Далее, в поэме просматривается влияние «Божественной комедии» (1321) (далее – «Комедия») Данте (1265-1321): между двумя произведениями наблюдаются структурные переклички художественных миров и отдельные совпадения в мотивах и художественных образах.⁹ В данной статье с учетом наших предыдущих исследований по интертекстуальным связям «Медного всадника» с вышеперечисленными произведениями, мы рассмотрим вопрос об интертекстуальности в «Медном всаднике» еще с одной точки зрения, – вопрос о связи пушкинского текста со стихотворениями Г. Р. Державина (1743-1816) «Препятствие к свиданию с супругою» (1807) и «Водопад» (1794), а также со стихотворением Радищева «Осьмнадцатое столетие» (1801).¹⁰ На наш взгляд, отсылки к стихотворениям этих двух поэтов, занимавших в XVIII в. различные политические позиции, являются двумя подтекстами, придающими дополнительные важные смыслы художественному миру «Медного всадника», символизируя славу и мрак истории XVIII в.

В заключение нам хотелось бы истолковать концепцию картины финальной сцены в «Медном всаднике». Здесь изображена смерть Евгения на фоне мирного пейзажа после того, как все события, словно унесенные водой, рассеялись, как сон. По нашим предположениям, в финальной сцене звучат последние стихи Державина «Река

⁶ Гаспаров усматривает во вступительной сцене из поэмы начальную картину из «Книги Бытия». Обе сцены имеют сходство по описаниям пустынного пейзажа, заполненности пространства водой и по отсутствию света. См.: *Гаспаров Б. М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Академический проект, 1999. С. 292.

⁷ См.: *Сугино Ю.* Реминисценции ветхозаветных псалмов в поэме «Медный Всадник» // Болдинские чтения 2010 / Редколлегия. Н. М. Фортунатов и др. Саранск: Гос. Лит.-мемор. и природ. музей-заповедник А. С. Пушкина «Болдино», 2010. С.62-69.

⁸ См.: *Сугино Ю.* Pūshikin "Seidō-no kishi"-ni okeru mokushiroku-no tēma (О теме апокалипсиса в «Медном всаднике») А. С. Пушкина // Бюллетень Японской ассоциации русистов. 2008. № 40. С. 46-53; Апокалиптические мотивы в поэме А. С. Пушкина «Медный всадник» // «... Он видит Новгород великой...». Материалы VII Международной пушкинской конференции «Пушкин и мировая культура». СПб.: ИРЛИ РАН, Великий Новгород: Новгородский государственный университет, 2004. С. 325-330.

⁹ См.: *Сугино Ю.* «Медный всадник» Пушкина и «Божественная комедия» Данте: Образ орла и его отсутствие как минус-прием // Пушкин и другие (Двадцать лет спустя). Сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева / сост. С. Денисенко, Н. Дмитриева. СПб.: ООО «Издательство «Пальмира», АО «Т8 Издательские Технологии», 2017. С. 194-207.

¹⁰ В статье «Александр Радищев» Пушкин по ошибке пишет заглавие данного стихотворения: «Осьмнадцатый Век», а здесь и далее мы употребляем правильное заглавие «Осьмнадцатое столетие».

времен» (1816), а также собственные стихи самого Пушкина.

2.

Прежде всего остановимся на вопросе о художественной структуре поэтического мира «Медного всадника», центром которой стал многослойный внутренний мир, являющийся отображением грандиозного сна героя, именуемого «он». Это «он» может быть интерпретировано как Петр I, Бог¹¹ и поэт-повествователь.¹² Понятие о многоплановом поэтическом мире в поэме необходимо нам для того, чтобы выявить его подспудную связь с державинской поэзией, о чем мы будем говорить далее.¹³

В «Медном всаднике» мы имеем дело со структурой замкнутого круга, а именно вступительная сцена повторяется в финальной, которую Д. Д. Благой называет «эпилогом».¹⁴ Обе сцены производят на читателя сходное впечатление, т.к. обе описывают скудный прибрежный пейзаж с рыбаком и лодкой. Кольцевое строение, при котором повествование сделало круг и вернулось к началу, как раз и указывает на то, что средняя часть поэмы, полная разнообразных событий, представлена как сновидения героя, названного «он». Мир сновидения воплощает многослойную структуру мечтаний, в которой внутри одной мечты вложена другая, следующим образом: через сто лет Петербург рождается из «его» мечты; Евгений живет в Петербурге как в «его» реализованной мечте; в этой мечте Евгения появляется Параша, неземная, подобная дантовской Беатриче, и сразу исчезает из сцены, как мимолетный призрак; в эпилоге, где изображена смерть героя, еще продолжается «его» грандиозный сон, однако вполне можно представить себе, например, что это сон, который снится умершему Евгению в загробном мире. Таким образом, в художественном мире «Медного всадника» усматривается многослойная структура, построенная из сновидений.

Кроме того, следует отметить, что в «Медном всаднике» в 1-ой и 2-ой частях, где

¹¹ Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина. С. 292.

¹² «Он» ассоциативно связывается с охваченным вдохновением образом поэта из стихотворения «Поэт» (1827).

¹³ Мы отмечали об этом вопросе в наших предыдущих статьях. См.: Pūshikin "Seidō-no kishi"-ni okeru mokushiroku-no tēma. С. 46-48; Апокалиптические мотивы в поэме А.С. Пушкина «Медный всадник». С. 326-327.

¹⁴ Благой Д. Д. Мастерство Пушкина: Вдохновенный труд. Пушкин - мастер композиции. М.: Советский писатель, 1955. С. 204.

описываются хаос наводнения и многочисленные сопутствующие происшествия, и параллельно повествуется о трагической жизни Евгения, мы видим многослойную структуру, вызывающую в памяти исторические факты мятежей XVIII и XIX вв., а также события из биографии самого Пушкина. Анализируя латентное авторское сближение мятежа и эпидемии с образом зверя в текстах, написанных Пушкиным после 1829 года, мы можем увидеть, что в поэме в образе стихии наводнения, наделенной чертами зверя, отражаются крестьянские восстания 1770-х и холерные бунты 1830-х годов. Прочтение поэмы с учетом этого латентного авторского сближения мятежа и эпидемии с образом зверя позволяет нам видеть, что в сцену, где Евгений восседает на мраморном льве, а Медный всадник сидит верхом на бронзовом коне, спроецирован реальный опыт, который Пушкин пережил в Болдине осенью 1830 г. Если признать в наводнении, которое подступает к Евгению и наделено чертами зверя, аналогию с холерой, то положение Евгения внешне будет очень похоже на ситуацию Пушкина, который застрял в Болдине осенью 1830 года и терзался тревогой за Н. Н. Гончарову (1812-1863), оставшуюся в зараженной холерой Москве. Отсюда мы поддерживаем точку зрения исследователей, которые отмечают, что в образе Евгения отражены и судьба, и характер самого Пушкина.

В тот период в письмах к друзьям и невесте Пушкин часто уподобляет Болдино то некоему «острову» вообще, то острову Пафмос, где Апостол Иоанн пишет Апокалипсис.¹⁵ Можно сказать, что ряд событий, связанный с холерными бунтами, вызывал у Пушкина именно апокалипсические настроения.¹⁶ Таким образом, болдинский личный опыт, который Пушкин пережил в 1830 г., через три года отразился в сцене «Медного всадника», где Евгений восседает на изваянии льва. В связи с этим следует отметить, что Пушкин часто использует художественные приемы, нацеленные на визуальный эффект, чтобы осуществить авторские замыслы в компактном поэтическом мире «Медного всадника», выдержанного в крайне лаконичном стиле.

¹⁵ В письме А. А. Дельвигу от 4 ноября Пушкин пишет: «Я живу в деревне как в острове, окруженный карантинами» (XIV, 121); в письме М. П. Погодину в начале ноября Пушкин называет Болдино «Пафмосом» (XIV, 121). Здесь и далее тексты Пушкина цитируются по Большому академическому изданию: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Римской цифрой обозначается том, арабской – страница.

¹⁶ В письме, адресованном М. П. Погодину, Пушкин называет «Героя» «Апокалипсической песней» (XIV, 121).

Вышеуказанная сцена, где для Пушкина воссоздается болдинский опыт 1830 г., это как бы «живая картина», в творческом процессе служащая крепкой основой для рождения и расширения ассоциативных связей с другими произведениями мировой литературы.

Таким образом, «Медный всадник» заключает в себе внутренний многослойный мир сновидения, обрамленный вступительной и финальной сценами. Притом в 1-ой и 2-ой частях поэмы параллельно с развитием конкретного сюжета подспудно разворачиваются подлинные исторические события XVIII и XIX вв., а также ведется рассказ о биографии самого Пушкина. Анализ многоплановой структуры в «Медном всаднике», где поэзия неразрывно сцеплена с действительностью, позволяет нам увидеть целостную картину мира, созданную в поэме, и обнаружить множество общих моментов и точек соприкосновения в структуре, мотивах и деталях поэмы и ряда произведений мировой литературы.

3.

Основываясь на концепции многоплановой пространственно-временной структуры мира в «Медном всаднике», где помещается многослойный мир сновидений, мы попытаемся проанализировать державинские реминисценции в «Медном всаднике».

Прежде всего обратимся к предыдущим исследованиям на эту тему. Как известно, поэтическая традиция XVIII в. в поэме Пушкина «Медный всадник» всесторонне изучена Л. В. Пумпянским.¹⁷ Пумпянский тщательно исследовал ту сторону поэмы, которая восходит к литературе XVIII в., и исторически обосновал связь частей поэмы с одической традицией. Притом Пумпянский отмечает акустическое созвучие между пушкинскими стихами из сцены погони («как будто грома грохотанье»), и державинскими стихами из 29-й строфы «Водопада»: «Грохочет эхо по горам, / Как гром, гремящий по громам» (179).¹⁸ Соглашаясь с мнением Пумпянского, Ю. В. Стенник отмечает, что в сцене погони Пушкин создает особый акустический эффект.¹⁹ Действительно, Пушкин мастерски творит в своей поэме фонетическое созвучие со

¹⁷ Пумпянский Л. В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века (1939) // Классическая традиция. М: Языки русской культуры, 2000. С. 158-196.

¹⁸ Тексты Державина цитируются по изданию: Г. Р. Державин. Сочинения. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. В скобках после цитат указывается номер страницы.

¹⁹ Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века. СПб.: Наука, 1995. С. 301.

строками из «Водопада». М. Н. Виротайнен видит в эпизоде столкновения Евгения с Медным всадником реминисценции стихотворений Державина «Видение мурзь» (1784) и «Водопад».²⁰ Исследовательница отмечает, что пушкинские стихи «Ужасен он в окрестной мгле! / Какая дума на челе!» (V, 147) являются реминисценцией двух стихов из 39-й строфы «Водопада»: «На темном взоре и челе / Сидит глубока дума в мгле!» (180), и пишет, что лунный пейзаж в момент встречи Евгения с бронзовым кумиром и вся атмосфера эпизода ориентированы на типичное для Державина введение оссианического ночного ужаса в государственную оду. Таким образом, поэтический мир «Медного всадника» перекликается с державинской поэзией по одическим компонентам стиля, оссианической ночной атмосфере и по фонетической организации.

В настоящей работе мы ставим целью показать сходство мотивов в сцене, где Евгений сидит верхом на мраморном льве, объятый страхом за свою невесту, со стихотворением Державина «Препятствие к свиданию с супругою», а также усмотреть в этой сцене поэмы реминисценцию его оды «Водопад». Попытаемся провести сравнительный анализ «Медного всадника» с державинской поэзией с этой точки зрения.

Процитируем сцену, в которой Евгений сидит верхом на мраморном льве, а Медный всадник восседает на бронзовом коне, окруженные свирепыми природными стихиями воды и ветра:

Тогда, на площади Петровой, / Где дом в углу вознесся новый, / Где над
возвышенным крыльцом / С поднятой лапой, как живые, / Стоят два льва
сторожевые, / На звере мраморном верхом, / Без шляпы, руки сжав крестом, /
Сидел недвижимый, страшно бледный / Евгений. Он страшился, бедный, / Не за себя.
Он не слышал, / Как подымался жадный вал, / Ему подошвы подмывая, / Как дождь
ему в лицо хлестал, / Как ветер, буйно завывая, / С него и шляпу вдруг сорвал. / Его
отчаянные взоры / На край один наведены / Недвижно были. Словно горы / Из
возмущенной глубины / Вставали волны там и злились, / Там буря выла, там
носились / Обломки... Боже. боже! там – / Увы! близехонько к волнам, / Почти у
самого залива – / Забор некрашенный, да ива / И ветхий домик: там оне, / Вдова и

²⁰ Редколлегия. И. С. Чистова и др. Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 3: Л-О. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 90.

дочь, его Параша, / Его мечта...Или во сне / Он это видит? иль вся наша / И жизнь
ничто, как сон пустой, / Насмешка неба над землей? / И он, как будто околдован, /
Как будто к мрамору прикован, / Сойти не может! Вкруг него / Вода и больше
ничего! / И обращен к нему спиною / В неколебимой вышине, / Над возмущенною
Невою / Стоит с простертою рукою / Кумир на бронзовом коне. (V, 141-142)

Далее мы еще будем обращаться к вышеприведенной сцене, поэтому назовем ее «сценой А». В сцене А отражается личный опыт, который Пушкин пережил болдинской осенью в 1830 г. Ситуация, в которую тогда попал Пушкин в Болдине, наводит на мысль о событии, описанном в стихотворении Державина «Препятствие к свиданию с супругою». Прочитируем строки из этого стихотворения:

Укротися же, стихия! / Подстелися путь стопам; / Для жены моей младья /
Должно быть послушным вам. / Так, свирепыми волнами / Сколько с нею ни делюсь,
/ Им не век шуметь со льдами, — / С нею вечен мой союз. (481)

В стихотворении «Препятствие к свиданию с супругою» Державин описывает собственную ситуацию: в ноябре 1778 года из-за ледохода на реке Каме поэт не мог увидеться со своей молодой женой, живущей на противоположном берегу.²¹ По всей вероятности, Пушкин, который попал в совершенно такую же ситуацию в Болдине 1830 года, вспомнил стихотворение «Препятствие к свиданию с супругою», потому что есть свидетельства, что державинская поэзия была тогда жива в памяти Пушкина.

В письме от 30-го сентября того же года, написанном им по-французски Наталье Гончаровой из Болдина, есть фразы, перекликающиеся со стихами, вставленными в сцену А, а также перекликающиеся со стихами из «Водопада». Мы процитируем французские фразы из письма и их перевод на русский язык:

Ne vous moquez pas de moi, car j'enrage. Notre mariage semble toujours fuir devant moi, et cette peste avec ses quarantaines n'est-elle pas la plus mauvaise plaisanterie que le

²¹ А. А. Левицкий отмечает, что в стихотворении Державина «Препятствие к свиданию с супругою» отражен автобиографический опыт. См.: Образ воды у Державина и образ поэта // XVIII век. Сборник 20. СПб.: ИРЛИ РАН, 1996. С. 52.

sort ait pu imaginer. (XIV, 114)

Не смейтесь надо мной; я в бешенстве. Наша свадьба точно бежит от меня; и эта чума с ее карантинами, – не отвратительнейшая ли это насмешка, какую только могла придумать судьба? (XIV, 417).

В вышеприведенном письме Пушкин выражает свой душевный кризис словами «*car j'énrage*» («я в бешенстве»). Вместе с этим поэт определяет холерное бедствие как «*la plus mauvaise plaisanterie que le sort ait pu imaginer*» («отвратительнейшая насмешка, какую только могла придумать судьба»). Эта фраза напоминает нам стихи «Или во сне / Он это видит? иль вся наша / И жизнь ничто, как сон пустой, / Насмешка неба над землей» (V, 142), которые в сцене А звучат как внутренний двойной монолог то Евгения, то автора. Как и Пушкин в Болдине осенью 1830 г., в сцене А Евгений, охваченный страхом потерять свою невесту, находится на грани умопомешательства.

Кроме того, пушкинские стихи «жизнь как сон пустой» вызывают в памяти 55-ю строфу из державинского «Водопада». Приведем ее:

Где слава? – Где великолепье? / Где ты, – о сильный человек? / Мафусаила
долголетье / Лишь было б сон, лишь тень наш век; / Вся наша жизнь не что иное, /
Как лишь мечтание пустое. (182-183)

В вышеприведенных стихах из «Водопада» рассказчик скорбит о внезапной смерти князя Потемкина-Таврического, тогда находившегося в расцвете боевой славы, и восклицает: «Вся наша жизнь не что иное, / Как лишь мечтание пустое». Ясно, что эти державинские стихи перекликаются с пушкинскими стихами «вся наша / И жизнь ничто, как сон пустой, / Насмешка неба над землей». Можно сказать, что в сцене А, в которой Евгений тревожится о своей невесте, скрывается подтекст в виде пушкинской ассоциации со стихотворениями Державина «Препятствие к свиданию с супругою» и «Водопад». Как известно, Пушкин считал, что ода «Водопад» – это одно из лучших созданий державинского поэтического гения. «Водопад» является одой, воспевающей военные подвиги героев эпохи правления Екатерины II и прославляющей саму императрицу. В «Водопаде» повествуется об исторических событиях екатерининской

эпохи, которые фельдмаршал Румянцев в полусонном состоянии видит перед собой под шум водопада, и в то же время рассказчик – Державин – обозревает собственное свое прошлое. Притом важно, что в текст повествования иногда вплетены слова Державина–рассказчика, выражающие мысль о непостоянстве человеческой судьбы и неотвратимости смерти. Пушкинские стихи, которые в устах Евгения определяют «жизнь как пустой сон», переключаются с державинскими стихами из «Водопада», и в то же время напоминают читателю о бренности существования человека и самого мира. Кроме того, эти пушкинские стихи играют важную роль в связи с авторским замыслом в «Медном всаднике», потому что они подспудно указывают на конструкцию многопланового сна и в «Медном всаднике», и в «Водопаде». Таким образом, в сцене А, где Евгений восседает на мраморном льве, объятый страхом за свою невесту, и говорит как бы про себя, что жизнь – пустой сон, мы можем видеть глубинные внутренние связи с державинской поэзией.

Как указано выше, в «Медном всаднике» просматривается державинское влияние не только в сцене погони Медного всадника за Евгением, в подтекст сцены А также заложены некоторые стихотворения Державина. Если учитывать наличие в поэме таких подспудных переключек с державинской поэзией, то можно сказать, что строка «Невы державное течение» во вступлении к поэме является многозначной и содержит скрытый намек. Здесь прилагательное «державный» употребляется для обозначения «великолепный» и «царственный», и в то же время в нем обнаруживается фонетическая переключка с именем Державина. Возможно, что фраза «державное течение», вставленная во вступление к поэме, тонким и отдаленным образом предвзвешивает намек о дальнейшем введении в поэму державинских реминисценций.

4.

Прежде чем раскрыть сложные интертекстуальные связи сцены А из «Медного всадника» и отрывка из стихотворения Радищева «Осьмнадцатое столетие» (*далее – «Отрывок»*), остановимся на вопросе о Пушкине и Радищеве. Пушкин на протяжении всей своей жизни не теряет интереса и уважения к Радищеву, высокому интеллектуалу и большому писателю в истории русской словесности. В письме от 13 июня 1823 г. Пушкин упрекает А. А. Бестужева (1797-1837), который не упоминает о Радищеве в своей статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» (1823) : «Покаместь

жалуюсь тебе об одном: как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? кого же мы будем помнить? Это умолчание не простительно ни тебе, ни Гречу – а от тебя его не ожидал» (XIII, 64). Неудовольствие Пушкина в адрес Бестужева показывает, что поэт считает Радищева одним из необходимых и важнейших писателей в истории русской литературы. Не только в свои молодые дни, но и в последний период Пушкин продолжает почитать Радищева и проявлять к нему неизменный интерес. Доказательством этого может служить стих, оставшийся в черновой рукописи стихотворения «Памятник», созданного осенью 1836 г.: «Что в след Радищеву восславил я свободу» (III-2, 1034). С учетом цензуры поэту пришлось исключить данный стих из окончательного текста – для Пушкина, находившегося в сложных отношениях с Николаем I и под неусыпным наблюдением тайной полиции, упоминать о Радищеве было чрезвычайно опасно.

Обратимся теперь к статье «Александр Радищев», написанной Пушкиным в 1836 г. Как отмечено в нашей предыдущей работе, среди исследователей давно существуют противоположные мнения относительно главной мысли статьи «Александр Радищев».²² Это связано с тем, что Пушкин несправедливо нападает на Радищева и довольно резко критикует его «Путешествие из Петербурга в Москву» (далее – «Путешествие»). П. В. Анненков (1813-1887), опубликовавший данную статью в 1857 г., отмечает, что Пушкин к концу своей жизни отошел от юношеских вольнолюбивых идеалов.²³ С другой стороны, В. Е. Якушкин (1856-1912) отмечает, что Пушкин, опасаясь цензуры, пишет статью «Александр Радищев» «эзоповым языком», а на деле поддерживает идеи и суждения Радищева.²⁴ Мы придерживаемся взгляда Якушкина, потому что при внимательном прочтении становится ясно, что в статье «Александр Радищев» Пушкин подробно и с одобрением рассказывает о жизни Радищева и, хотя иногда высказывается критически, все же с усердием рассуждает о его произведениях, включая «Путешествие», и тем самым вызывает новую волну читательского интереса к Радищеву и его творчеству. Более того, в конце своей статьи Пушкин советует читателям заглянуть в само «Путешествие», чтобы удостовериться в

²² См.: Сугино Ю. Статья А.С. Пушкина «Александр Радищев» и «Медный всадник»: наложения и пересечения. С.137.

²³ Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб.: Современник, 1857. Т. VII. Ч. 2. С. 3-4.

²⁴ Якушкин В. Е. Радищев и Пушкин. М.: Издание Имп. Общества Истории и древностей Российских при Московском Университете, 1886. Кн. 1-я. С. 29-33.

истинности его суждений об этом произведении. Можно даже сказать, что в пушкинской статье «Александр Радищев» за нападками и критикой Радищева скрывается определенная пропаганда его идей. Возможно, одна из целей написания статьи «Александр Радищев» – сохранить наследие Радищева, объявленного государственным преступником. Пушкин опасался того, что имя Радищева, одного из русских выдающихся писателей и мыслителей XVIII в., будет вычеркнуто из истории русской словесности. Хотя сам Пушкин оказывается в тяжелом положении после поражения восстания декабристов, поэт изо всех сил старается сохранить память о Радищеве в истории русской литературы.

5.

Статья Пушкина «Александр Радищев» дает читателю ключ к разгадке сложных взаимосвязей «Медного всадника» и произведений Радищева. Чтобы избежать внимания цензуры, Пушкин вводит в свою статью, от самой поэмы отделенную, своеобразные комментарии, помогающие понять подспудные связи его поэмы с произведениями Радищева. Тщательный сравнительный анализ пушкинской статьи с поэмой и произведениями Радищева позволяет нам выявить, что между ними есть текстуальные и образные переключки, а также внутренние идейные связи. Можно предположить, что вторая цель написания пушкинской статьи «Александр Радищев» – это завуалированное указание на важность произведений Радищева для понимания авторского замысла «Медного всадника».

Перейдем к вопросу о пересечениях и наложениях сцены А и «Отрывка» из стихотворения Радищева «Осьмнадцатое столетие» с целью раскрытия их интертекстуальных связей. В сцене А явно подразумеваются мотивы и эпизоды из других литературных произведений, и один из них – «Отрывок». Если спроецировать «Отрывок» на сцену А и еще соотнести эту сцену с эпизодами из «Книги Бытия» и «Откровения Святого Иоанна Богослова» (*далее – «Откровение»*), можно обнаружить возможности других прочтений, которые отличаются от толкований, основанных на державинских подтекстах в сцене А.

Рассмотрим этот вопрос подробнее. В статье «Александр Радищев» Пушкин оценивает стихотворение «Осьмнадцатое столетие» Радищева как его лучшее поэтическое произведение и цитирует отрывок из него. «Отрывок» дает нам ключ к

разрешению сложного метафорического плана, заложенного в глубинных слоях сцены А.²⁵ Прочитаем «Отрывок»:

Урна времени часы изливает каплям подобно, / Капли в ручьи собрались; в
реки ручьи возрасли, / И на дальнейшем берегу изливают пенистые волны /
Вечности в море, а там нет ни предел ни берегов, / Не возвышался там остров, ни дна
там лот не находит; / Веки в него протекли, в нем исчезает их след, / Но знаменито
во веки своею кровавой струей / С звуками грома течет наше столетье туда, / И
сокрушил наконец корабль надежды несущей, / Пристани близок уже, в водоворот
поглощен. / Счастье и добродетель, и вольность пожрал омут ярой, / Зри,
восплавают еще страшны обломки в струе. / Нет, ты не будешь забвенно, столетье
безумно и мудро. / Будешь проклято во век, в век удивлением всех. / Крови в твоей
колыбели, припевание грома сраженьев. / Ах, омочено в крови, ты ниспадаешь во
гроб. / Но зри две вознеслися скалы во среде струй кровавых, / Екатерина и Петр,
вечности чада! и Росс. (XII, 35)

В «Отрывке» изображены две величественные скалы, символизирующие Петра I и Екатерину II в разъяренном море, а у их ног бурлят кровавые потоки и плавает сокрушенный бурей корабль. Такая ужасающая картина намекает на темную, трагическую сторону истории XVIII в., когда страшные кровавые войны и мятежи были частым явлением. Картина «Отрывка», в которой две скалы возвышаются над бушующим морем, совпадает по композиции со сценой А, где Медный всадник сидит верхом на бронзовом коне, а Евгений восседает на статуе льва посреди страшного наводнения. Сопоставление «Отрывка» и сцены А позволяет нам отождествить Петра I с фигурой Медного всадника, а Екатерину II с фигурой Евгения, восседающего на статуе льва, и увидеть их как метафоры скал среди бушующей водной стихии. Образ Екатерины II представляет собой императрица, а образ Евгения – мелкий чиновник. Хотя они совершенно различаются по социальным статусам, но мы попытаемся наложить фигуру Екатерины II на фигуру Евгения, чтобы описать возникающий

²⁵ В данной работе мы углубляем и расширяем аргументацию относительно метафорического плана поэмы, представленную впервые в нашей предыдущей статье. См.: *Сугино Ю.* Апокалипсические мотивы в поэме А. С. Пушкина «Медный Всадник». С. 328-329.

визуальный эффект. В результате данного наложения разница личностных характеристик обоих персонажей исчезает, и их фигуры превращаются в камень. Эта трансформация напоминает нам о эпизоде из «Книги Бытия», в котором описывается сотворение человека из праха земного. Кроме того, если интерпретировать фигуру Екатерины II как порождение от фигуры Евгения с точки зрения библейского контекста, можно увидеть в этом намек на эпизод из «Книги Бытия», в котором женщина создана из ребра мужчины. В связи с этим следует отметить, что Пушкин определяет Екатерину II как комплексный образ женщины и мужчины в «Заметках по русской истории XVIII века» (1822), где поэт откровенно оценивает царствование Екатерины II. В данных заметках Пушкин резко критикует лицемерный характер императрицы, называет ее «Тартюфом в юбке и короне» (XI, 17), т.е. представляет ее как фигуру одновременно и мужчины, и женщины.²⁶

Наложение картин сцены А и «Отрывка» позволяет нам выявить их ассоциативную связь не только с Книгой Бытия, но и с двумя известными эпизодами из «Откровения», отсылки к которому представляют собой важный подтекст всей поэмы – эпизод идолопоклонства двум зверям и сюжет Вавилонской блудницы.²⁷ Мы попытаемся выявить внутренние связи комплексной картины сцены А и «Отрывка» с двумя эпизодами из «Откровения» и с помощью этого сопоставления охарактеризовать критический взгляд Пушкина на Петра I и Екатерину II.

Во-первых, обратимся к вопросу о эпизоде идолопоклонства двум зверям в гл. 13-ой из «Откровения». Прочитаем фрагмент:

1 И стал я (= *Иоанн* – *Ю. С.*) на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадим, а на головах его имена богохульные. 2 Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него – как у медведя, а пасть у него – как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою и

²⁶ Данная пушкинская идея перекликается с идеей Карамзина, который называет Екатерину II «Великим Мужем», т.е. мужской фигурой, в своей «Записке о древней и новой России». См.: Karamzin N. M. *A Memoir on Ancient and Modern Russia: The Russian Text*. Edited by Richard Pipes. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1959, p. 37.

²⁷ Тема Апокалипсиса играет важную роль в идейном замысле «Медного всадника». В образе Петербурга совмещаются отличительные особенности богоборческого Вавилона и святого Иерусалима. См.: *Сугино Ю.* Апокалипсические мотивы в поэме А. С. Пушкина «Медный Всадник». С. 328.

престол свой и великую власть. 3 И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелела. И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю, 4 и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним? [.....] 11 И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон. 12 Он действует перед ним со всею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю, у которого смертельная рана исцелена; 13 и творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми. 14 И чудесами, которые дано было ему творить перед зверем, он обольщает живущих на земле, говоря живущим на земле, чтобы они сделали образ зверя, который имеет рану от меча и жив. (13, 1-4; 11-14)²⁸

В вышеуказанном эпизоде речь идет о двух зверях, которые совершают много богохульных дел, включая идолопоклонничество: выходящий из земли зверь, который наследует власть первого зверя, выходящего из моря, заставляет всех людей, живущих на земле, поклоняться первому и приказывает им сотворить образ первого. Если спроецировать эпизод двух зверей на соединенную картину сцены А и «Отрывка», в результате пересечения и наложения этих трех фрагментов выходит на поверхность скрытый эпизод идолопоклонничества русских императоров. Потому что, если истолковать как аналогию «зверя», Екатерину II, восседающую на изваянии льва, и Петра I, восседающего на бронзовом коне, образы обоих императоров превращаются в двух зверей. Подобно двум зверям, впадающим в идолопоклонничество, Екатерина II воздвигает памятник Петру I и заставляет людей поклоняться ему как идолу.

Во-вторых, обратимся к вопросу о внутренней связи сцены А и «Отрывка» с эпизодами сюжета о Вавилонской блуднице. Нам кажется, что в метафорическом плане Екатерина II отождествляется с образом Вавилонской блудницы. В гл. 17 из «Откровения» приведен такой образ:

1 И пришел один из семи Ангелов, имеющих семь чаш, и, говоря со мною, сказал мне: подойди, я покажу тебе суд над великою блудницею, сидящею на водах

²⁸ Здесь и далее тексты из Библии цитируются по: Библия. М: Российское библейское общество, 2004. В скобках после цитат указывается номер главы и номер стиха арабскими цифрами.

многих; 2 с нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле. 3 И повел меня в духе в пустыню; и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. 4 И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистою блудодейства ее; [.....] 15 И говорит мне: воды, которые ты видел, где сидит блудница, суть люди и народы, и племена и языки. (17, 1- 4; 15)

Вавилонская блудница, одетая в королевский костюм и роскошно украшенная драгоценными камнями, представляет собой развратную женщину, связанную с земными царями. Кроме того, в гл. 18 из «Откровения» приведен ее монолог: «она (= великая блудница – Ю.С.) говорит в сердце своем: “сизу царицею, я не вдова и не увижу горести”!» (18, 7). По нашему мнению, не только описание образа Вавилонской блудницы, но и ее монолог можно толковать как характеристику Екатерины II.

Вавилонская блудница, сидящая «на водах многих» и «на звере багряном», визуальнo совпадает с образом Екатерины II, которая, в свою очередь, сходна с фигурой Евгения посреди наводнения, поскольку она тоже сидит на изваянии зверя – верхом на мраморном льве в сцене А. Образ льва у Пушкина в аллегорическом плане символизирует то Швецию, то бунтовщика против русского императора,²⁹ отсюда следует вывод, что Екатерина II восседает на символе Швеции и мятежей. Притом следует отметить, что Петр III был в родстве со шведской королевской семьей.³⁰ Поскольку Екатерина II свергла своего мужа Петра III в результате дворцового переворота и предала смерти Пугачёва, который выдавал себя за него, то вполне закономерно, что фигура императрицы, сидящая верхом на изваянии льва и как бы покоряющая его, соответствует Екатерине II.

Кроме того, то обстоятельство, что образ Екатерины II, аналогичный фигуре Евгения, в сцене А оказывается в вихре бури, напоминает нам сцену второго круга из 5-

²⁹ См.: *Сугино Ю.* Евгений из «Медного Всадника» и Пугачев из «Капитанской дочки» – К толкованию образов бунтовщиков // Бюллетень Японской ассоциации русистов. 2002. № 34. С. 101-108.

³⁰ Его отец Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский был племянником шведского короля XII.

й песни «Ада» «Божественной комедии» Данте. В данной сцене царицы Семирамида ³¹ и Клеопатра наказаны за разврат тем, что они помещены в адском пространстве, пронизываемом черной бурей. Обе сцены имеют сходство в том, что развратные царицы наказываются свирепой бурей в наказание за плотские грехи.

Таким образом, интерпретации комплексной картины сцены А и «Отрывка» с учетом контекста эпизодов из «Книги Бытия» и «Откровения», а также 5-й песни «Ада» из «Комедии», позволяют нам выявить слои поэмы, в которых скрыто присутствуют критика императорской власти и сатира на царских особ. В сцене А, отсылаясь к «Отрывку», библейским эпизодам и дантовскому эпизоду, Пушкин показывает подлинные исторические факты как бы внутри некоторой картины, но неявным образом разоблачает при этом безобразные и глупые поступки, скрывающиеся за блестящими достижениями монархов-модернизаторов России Петра I и Екатерины II. Может быть, болдинской осенью 1833 г., работая над «Медным всадником», Пушкин живо вспоминал о том, что он застрял три года назад в изолированном Болдине как на «острове». Подобно Иоанну, пишущему «Откровение» на острове Патмосе, Пушкин писал свой Апокалипсис и в нем прятал свои политические взгляды и критику императоров, которые он не мог опубликовать открыто.

Страшная картина, представленная в «Отрывке» из стихотворения Радищева «Осьмнадцатое столетие» открывает нам темную сторону XVIII в. и по содержанию значительно отличается от «Водопада», в котором восхваляются герои екатерининской поры и сама Екатерина II. Хотя Державин свободно выражает мысль в своих стихотворениях и иногда критически оценивает императорскую власть, ³² но в основном он придерживается монархических идей. В «Истории пугачевского бунта» (1833) Пушкин пишет, что Державин в качестве предводителя императорского войска активно участвовал в осаде укрепления бунтовщиков и при этом действовал жестоко.

В сцене А, где свирепствует наводнение, бурлят водные потоки и носятся ветры, подразумеваются многие яростные кровопролитные столкновения противоположных сил и противостояние политических мыслей, в том числе монархизма Державина и

³¹ В письме от 18-го мая 1767 г., адресованном Мадам Ла Маркизе Дю Деффан, Вольтер называет Екатерину II «северной Семирамидой (la Sémiramis du Nord)». См.: Oeuvres complètes de Voltaire. Nouvelle éd. [edited by Louis Moland]. 1877-1885. Paris: Garnier Frères. T. 45. P. 267.

³² Стихотворение Державина «Властителям и судиям» (1780-1787) подверглось обвинению в якобинстве со стороны Екатерины II и придворных.

антикрепостнических убеждений Радищева, а также кроется резкая критика Пушкина в адрес царских особ. Можно сказать, что в одной и той же сцене А взгляды Пушкина совмещены с позициями ряда писателей XVIII в., и тем самым российская история XVIII в. показана в поэме с самых разных сторон.

6.

Как указано выше, державинская тема прослеживается на протяжении всей поэмы. Во-первых, можно предположить, что во вступлении к поэме строкой «Невы державное течение» Пушкин намекает на введение в поэму «державинского течения». Во-вторых, в сцене А прочитываются реминисценции стихотворений Державина «Препятствие к свиданию с супругою» и «Водопад», а также обнаруживается проекция «Отрывка» Радищева. В-третьих, в сцене погони Медного всадника за Евгением, как отмечено Пумпянским и другими исследователями, усматриваются некоторые переключки со стихотворениями Державина. Другими словами, реминисценции из поэзии Державина, подобно большой реке, величаво протекают через весь мир поэмы, и в тему реки вливаются течения российской истории XVIII и XIX вв., а также всемирной истории, рассказанной в Библии и в дантовской «Божественной комедии».

В заключение нам хотелось бы сказать, что в эпилоге слышны отголоски последнего стихотворения Державина «Река времен», а также стихов самого Пушкина. В эпилоге «Медного всадника» утихают природные стихии, и воцаряются мир и спокойствие. Это происходит после того, как все исторические события, подобно сновидению, исполненному бурных событий, улечиваются без следа вместе с потоком воды. Великолепный Петербург, хаос наводнения, яростная битва противоборствующих сил и идеологий, полная страданий жизнь Евгения, в пространстве и времени вселенной все это – не более, чем мимолетное сновидение. Здесь звучат отдаленные державинские отголоски – основной мысли его последних стихов «Река времен»:

Река времен в своем стремленьи / Уносит все дела людей / И топит в пропасти
забвенья / Народы, царства и царей. / А если что и остается / Чрез звуки лиры и
трубы, / То вечности жерлом пожрется / И общей не уйдет судьбы! (541-542).

Напоминая эти последние стихи Державина, Пушкин выражает глубокое уважение к поэту-предшественнику, который на лицейском экзамене поздравил молодого Пушкина с блистательным поэтическим дебютом. А вместе с этим в эпилоге «Медного всадника» Пушкин заканчивает поэму в ином духе, при этом явно соотносясь с последними стихами Державина. Здесь Пушкин описывает смерть Евгения, человека из простого народа и безумного бунтовщика, и тем самым слагает своего рода реквием в память друзей-декабристов, а также возносит молитву за простых безымянных людей, которые погибали в мятежах и волнениях.

По сравнению с Державиным взгляд Пушкина на ход истории несколько более оптимистичен. В эпилоге в описании трапезы рыбака и прогулки чиновника на лодке, а также в словах «воскресенье» и «весна», от которых веет весенним теплом и которые вызывают ассоциации с праздником Пасхи, брезжит надежда на то, что жизнь будет продолжаться. Человек, может быть, именно так и творит свою жизнь и историю, – не переставая мечтать, воплощая свои чаяния в жизнь. Думается, что в эпилоге Пушкин подает читателям надежду на продолжение истории человечества.

(すぎの ゆり)

Reminiscence of the Poems of G. R. Derzhavin and A. N. Radishchev in A. S. Pushkin's "The Bronze Horseman"

Yuri SUGINO

"The Bronze Horseman" is a masterpiece in which Pushkin's magnificent view of the world has been expressed clearly. The world of this poem is multi-layered and rooted in historical and autobiographical events. Furthermore, this poem makes intertextual references to multiple motifs and details from Russian and European classics. The entire text is reminiscent of Derzhavin's poems. In particular, the scene where Evgeny, straddling a marble lion, is prevented by the flood from meeting his fiancé, recalls two of his poems: "Obstacles Preventing Me from Encountering with My Wife" and "The Waterfall". The latter poem speaks about the glory of the 18th century heroes and the honor of Empress Catharina. The same scene also

alludes to Radishchev's poem "18th Century" in which the swirling and raging water symbolically represents the dark history of the 18th century. By reminiscing the works of these two poets in the aforementioned scene of chaotic flood, Pushkin presents their conflicting political stances and views. The epilogue, following the scene where historical events pass by like a dream with the water stream, is quiet and filled with a sense of satisfaction. Derzhavin's swan song "River of Time" resonates as a continuous undertone.